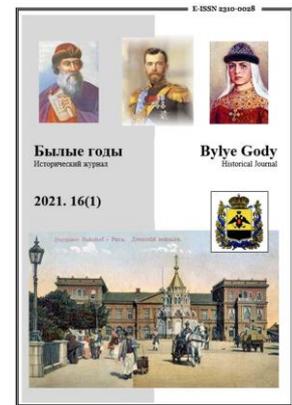

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 316-323.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.316
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Family and Ideas of the Worldview of the Russian Local Nobility at the turn of the XIX – early XX centuries (on the Example of the Memoirs of S.E. Trubetskoy, A.A. Kornilov, V.V. Rozanov)

Maria A. Ponomareva ^{a, *}

^aSouthern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is about actual new methodological approaches, various types of worldview of the local nobility are considered in the new socio-economic and political conditions. The main attention is paid to the subjects of the memoirs of S.Y. Trubetskoy, A.A. Kornilov, as well as the autobiographical notes of V.V. Rozanov, liberal periodical press. On the basis of new methodological approaches, the question of self-identification of the Russian local nobility is raised. The review of the current modern historiography on the problem is carried out. It defines the basic methodological approaches and methods: micro-historical approach, narrative modeling. The analysis of sources was carried out using comparative-historical, historical-typological and historical-biographical research methods. Several worldview types of the Russian local nobility of the XIX-XX centuries are revealed, their distinctive characteristics are given: «new local nobility» (A.A. Kornilov); «local bison» (S.E. Trubetskoy, A.A. Shcherbatov); «enterprising type» (Kubrin); «philosophical» (V.V. Rozanov). The proposed classification is determined by family traditions, the way of life and way of family life, the existing environment.

Keywords: post-reform Russia, landlords, local nobility, S.E. Trubetskoy, A.A. Kornilov, V.V. Rozanov, worldview of the Russian nobility, Russia in the late XIX – early XX centuries, socio-cultural models, the history of everyday life.

1. Введение

Конец XIX – начало XX веков характеризуется усиливающимся идентификационным расколом верхних слоев российского общества, носившим в этот период разрозненный и многоаспектный характер. Одну из важнейших его позиций занимали помещики, которые, пережив отмену крепостного права, вступили на сложный путь политического и идеологического самоопределения. Среди российских помещенных дворян мы находим значительное количество писателей, поэтов, политических и общественных деятелей различных убеждений. Более сложная политическая идентификация определяла взгляды каждого конкретного помещика на государственное устройство, крестьянский быт и судьбу России. В данной статье мы предлагаем сосредоточиться на изучении процесса становления мировоззренческой позиции трех представителей данного сословия, занимавших разные позиции в новой социально-общественной структуре российского пореформенного общества.

Сергей Евгеньевич Трубецкой (1890–1949 годы) – выпускник историко-филологического факультета Московского университета, известный философ и литератор, общественный и политический деятель. Он являлся активным участником Всероссийского земского союза, в 1919–1920 годах – одним из руководителей Всероссийского национального центра и Тактического центра. Был выслан за границу 23 августа 1922 года, в эмиграции принимал участие в деятельности Русского общевоинского союза.

* Corresponding author

E-mail addresses: ponomariya@sfedu.ru (M.A. Ponomareva)

Александр Александрович Корнилов (1862–1925 годы) – доктор исторических наук, профессор Политехнического института в Санкт-Петербурге. Известный историк, исследователь крестьянской реформы 1861 года, ее результатов для России и российского крестьянства; общественной мысли XIX века (по материалам семьи Бакуниных прежде всего); XIX века в целом как особой стадии исторического процесса в России. Являлся активным участником земского движения, гласным Иркутской городской думы, одним из основателей Партии народной свободы, секретарем ее ЦК и председателем Петроградского городского комитета.

Василий Васильевич Розанов (1856–1919 годы), как и С.Е. Трубецкой, – выпускник историко-филологического факультета Московского госуниверситета, выдающийся российский философ, публицист. Как мы видим, в данном случае С.Е. Трубецкого, А.А. Корнилова, В.В. Розанова сближали три фактора: принадлежность к дворянскому сословию, активная общественная позиция, академический статус.

2. Материалы и методы

Статья построена на анализе корпуса опубликованных материалов. Воспоминания князя С.Е. Трубецкого «Минувшее» представляют собой осмысление повседневной жизни части поколения помещичьего дворянства, подверженного идеям переустройства общества. Воспоминания охватывают период с 1890-х до начала 1930-х годов. Мысли Трубецкого во многом перекликаются с нравственными исканиями Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Г.И. Успенского. Характерная черта воспоминаний А.А. Корнилова – значительный объем, посвященный личной жизни, особенностям земского быта. Автобиографическая статья В.В. Розанова наглядно показывает основные черты его мировоззрения. Сравнительный анализ воспоминаний дает возможность проследить процесс становления русского пореформенного дворянства, выявить влияние на его взгляды ближайшего окружения и семейного уклада. Наконец, заметки, эссе и наблюдения, опубликованные в либеральной периодической печати, позволяют типологизировать личностный опыт, выделить общие и особенные черты, свойственные дворянскому сословию. Статистические же материалы помещают выявленные нами сюжеты в конкретную историческую картину пореформенной России.

Для нас важен подход, согласно которому «другой XIX век» понимается как мыслительный жест, нарративное моделирование событийных цепочек, особый взгляд на реальность (Уайт, 2002). Кроме того, при анализе материалов мы опираемся на понимание «повествовательной идентичности» как осознания человеком собственной идентичности через повествование (Рикер, 1995: 19).

Основываясь на сравнительно-историческом методе исследования, мы планируем провести компаративный анализ процесса становления и развития мировоззренческих позиций С.Е. Трубецкого, А.А. Корнилова и В.В. Розанова. Мировоззрение представляется как «интегральный взгляд на мир», включающий в себя искусство, религию, науку, народное сознание (Лосев, 1995). Основываясь на историко-типологическом методе, мы предполагаем выделить процессы становления взглядов пореформенного помещичьего дворянства в семейных, бытовых, личностно-поведенческих условиях.

Изучение нарративной истории мировоззрения конца XIX – начала XX веков опирается на микроисторический подход, в рамках которого возможно изучение микроявления, то есть событий, связанных с деятельностью отдельных людей, микрогрупп, социальных групп, во временном плане изучение может касаться как краткого исторического момента, так и биографии отдельного человека или семьи, социальной группы (Чубарьян, Репина, 2016). Применение методов микроистории (Леви, 1996) позволяет путем изучения кратковременного, локального, индивидуального в конкретно-исторических данностях конца XIX – начала XX веков интерпретировать процесс становления и развития мировоззрения российского помещика. Наконец, необходимо отметить важность применения методологии «публичных образов чувствования», особенностей эмоционального «кодирования» события, предложенной А. Зориным для анализа произведений российских писателей, которые, собственно, описывали житейские ситуации своего времени (Зорин, 2010: 119, 123). Анализ воспоминаний основывается также на историко-биографическом методе, или методе жизнеописаний.

3. Обсуждение

В новейшей историографии данной темы по-прежнему существует интеллектуальный спор об особом пути России. В данной работе мы опираемся на тройственное и одномоментное понимание данного конструкта – как части идеологического дискурса в стране, как основы историографической методологии, а также в качестве признания множественности и альтернативности путей развития России и необходимости снятия жестких нормативных оппозиций («Запад–Восток», «модерность–архаика», «норма–отклонение», «случайность–предназначенность») (Атнашев и др., 2018: 27, 29, 30).

В работах Б.Н. Миронова рубеж XIX–XX веков рассматривается, в частности, в качестве перехода от традиции к модерну. Автор считает, что характерной чертой данного периода являлось поступательное развитие общества и экономики, что, в свою очередь, подтверждало процессы модернизации страны (Миронов, 2003; Миронов, 2014–2015). В новейшей историографии также принято считать характерной

чертой периода «великих потрясений» постепенную дифференциацию поместного дворянства. Данный тезис последовательно доказывает российский исследователь Е.П. Баринаева. Она сосредотачивается на выявлении особенностей соотношения в дворянстве его экономического статуса и социокультурного облика (Баринаева, 2014). В последнее время появляются работы, подробно исследующие вопросы сохранения «форм личности» дворянства как элитарного слоя, в частности, обращается внимание на трансформацию кодекса чести российского дворянина (Каященко, 2019). В новейшей историографии появляются работы, анализирующие ранее неизвестные архивные материалы о повседневной жизни российского помещика, акцент делается на провинциальных помещиках и их месте в системе социальных и общественных отношений в России (Ларионова, 2015). Интересны аспекты, вызванные стремлением выявить, как изменилась жизнь помещичьего дворянства после отмены крепостного права в условиях урбанизации, каким образом они адаптировались в городской среде и в каких формах сохранялось либо изменялось их мировоззрение (Bratolyubova et al., 2019).

4. Результаты

С.Е. Трубецкой родился 14 февраля 1890 года (по строму стилю) в доме деда по материнской линии – князя А.А. Щербатова в Москве по адресу: Большая Никитская, 54. По светским обычаям это был «приемный день» его бабушки – М.И. Щербатовой, единственным посетителем в соответствующей главе специальной книги был записан младенец. С.Е. Трубецкой, как он справедливо отмечал в воспоминаниях, являлся представителем последнего поколения, которое жило еще в дореформенный период и, следовательно, могло понимать и переживать судьбы бывших помещиков и крестьян (Трубецкой, 1991: 9).

Помещики к концу XIX века становились все более малочисленным социальным слоем даже в традиционно сельскохозяйственных регионах, славившихся своими землями и результатами крестьянского труда, имевшими богатые помещичьи усадьбы в дореформенное время: «... теперь – увы! – от послереформенного измора остались лишь последние могикане...» (Абрамова, 1885: 635).

В свою очередь, только в Московской губернии земледельческое хозяйство в 80-е–90-е годы XIX века давало крестьянству 45 % его прихода (Санитарные условия..., 1902: 65). При этом население губернии не только было не в состоянии существовать от одного занятия сельским хозяйством, но и могло вести это последнее только если имело в течение зимы постоянные заработки: «не будь их, у него не хватил хлеба на продовольствие, не говоря об обсеменении полей» (Санитарные условия..., 1902: 67). Все это – на фоне постепенного ухудшения урожайности. Данная негативная ситуация наравне с демографическими причинами, метеорологическими изменениями, миграционными потоками и т.п. напрямую влияла на рост смертности в особо неурожайные годы: 1885, 1889–1890, 1895, 1897 годы (Санитарные условия..., 1902: 79–80). Однако в представлении крупных помещиков, в семье которых воспитывался С.Е. Трубецкой, «старое отживало и постепенно уходило, а не рухнуло так, как это случилось на нашей памяти» (Трубецкой, 1991: 9).

С.Е. Трубецкой пишет, что помнит себя лет с 3–4 ярко и достоверно. Одно из самых запомнившихся событий, пережитых в этом возрасте, составило часть его позднее сложившегося мировоззрения как убежденного монархиста и патриота. Запомнившееся ему событие – известие о смерти Александра III – повергло в глубокие переживания все слои российского общества, включая службу Трубецких, и сформировало ощущение «торжественной подавленности», трагическое предчувствие в будущем «только белого и черного» (Трубецкой, 1991: 10). Необходимо отметить, что С.Е. Трубецкой неоднократно писал, что он не чувствовал никакой грани между своими «детской» и «взрослой» психологиями. А детские воспоминания воспринимались им как неотъемлемая часть его дальнейшей жизненной философии.

Идеи коллективного, общинного мира, оформившиеся в детскую пору в Наре (Верейский уезд, имение А.А. Щербатова – Авт.), «высокий социальный ранг, материальная независимость, иногда значительное богатство – казались совершенно естественной и неотъемлемой принадлежностью обязывающей» (Трубецкой, 1991: 11). Совершенно особенная атмосфера почтения царила в доме по отношению к отцу – Евгению Николаевичу Трубецкому, который воспринимался детьми как совершенно особенный, не похожий на других «обычных» людей и возвышающийся над ними: «Уходя к себе в кабинет, папа как будто покидал землю...» (Трубецкой, 1991: 17). Но отец вовсе не был отдален от детей, ежедневно играл по вечерам и рассказывал нескончаемую историю о приключениях «Коли и Миши». Причем считалось, что это удел совсем маленьких, и когда Сергей почувствовал себя взрослым, он отказался слушать эту историю, хотя ему очень хотелось. Эту семейную традицию С.Е. Трубецкой продолжил в собственной семье. Дети «боялись не папа, а папа в кабинете..., но это был не страх, какое-то полумистическое чувство...» (Трубецкой, 1991: 18). Во многом такие отношения и атмосфера были созданы матерью – Верой Александровной Трубецкой, урожденной Щербатовой, старавшейся оградить мужа от множества скучных и тяжелых забот: «Мама незаметно создавала земные условия для надземного парения папа» (Трубецкой, 1991: 19). С.Е. Трубецкой пишет о взаимоотношениях родителей с гордостью. Они были пунктуальны, ценили время. Особое влияние на мировоззрение С.Е. Трубецкого оказал дед – князь Александр Алексеевич Щербатов, известный благотворитель, всесословно выборный городской голова Москвы с 1863 по

1869 годы. Кн. А.А. Щербатов, по словам С.Е. Трубецкого, «... был признанным авторитетом в кругу мыслящих людей своего времени...» (Трубецкой, 1991: 26). Высокую оценку А. Щербатову дает Б.Н. Чичерин, который неоднократно отмечал, что при решении вопросов, требующих нравственной оценки, он мог «с доверием» обращаться к Щербатову за советом (Чичерин, 1929: 54).

Тем не менее, несмотря на высокое положение, семья была далека от активной светской жизни, узкий круг знакомых составляли близкие по духу и взглядам люди. Тем не менее В.А. Трубецкая была вынуждена поддерживать отношения с «профессорскими женами», чтобы не давать пищу нареканиям, что «княжеская семья снобирует профессорский мир» (Трубецкой, 1991: 21). При необходимости в семье устраивались широкие застолья на 40–50 человек, поскольку подобного рода мероприятия являлись обязательными для семей «их круга». По мнению С.Е. Трубецкого, в пореформенной России такого рода «широта» являлась либо отражением русского гостеприимства, либо сохранившейся традицией крепостного хозяйства: «...общественное мнение принуждало к «широте» даже скупых людей» (Трубецкой, 1991: 21). Тем не менее, если положение в свете семьи С.Е. Трубецкого обязывало родителей организовывать приемы и выезжать с визитами, то у значительного количества женщин-помещиц данная часть жизни если и существовала, то была отодвинута на дальний план. Главная роль заключалась в воспитании детей и ведении рутинного домашнего хозяйства. День был распisan до мелочей: «... не знаешь даже, когда отдохнуть» (Абрамова, 1885: 647).

Как бы то ни было, но объединяло помещичьи семьи разного статуса одно: их повседневной жизнью руководило в основном не удобство, а традиции – были выделены определенные часы на обед, для занятий, игр. Даже одежда и ежедневное поведение являлось, с одной стороны, отражением определенного «стиля», а с другой – гарантией дальнейшей стабильности жизни семьи и окружающих. Так, бабушка С.Е. Трубецкого в любое время года был неизменно одет в жилет, сюртук, накрахмаленную рубашку: «о том, чтобы из-за жары снять хотя бы жилет, не могло быть и речи» (Трубецкой, 1991: 26). Почтение к страшим, дисциплинированность, умение правильно использовать время являлись частью воспитания молодого поколения дворян конца XIX – начала XX веков.

С.Е. Трубецкой находился на домашнем обучении. Тем не менее, чтобы наследники «столкнулись с детьми из других социальных слоев», родители решили с пятнадцати лет отдать Сергея и его брата в обычную гимназию (Трубецкой, 1991: 37). Если образованием занимались приходящие учителя, а затем – гимназические преподаватели, то воспитание лежало на плечах родителей. Основой воспитания были религия, смирение, нравственная дисциплина и чувство долга: «Мама прививала нам именно любовь к Богу, а не «страх Божий» (Трубецкой, 1991: 39). Немаловажное значение имело воспитание эстетического вкуса. В семье не принято было вести «пустые» беседы: «Я помню, как совсем маленьким мальчиком я спрашивал, кто были Бисмарк, Гладстон, Пастер, Менделеев; что такое славянофилы или земство» (Трубецкой, 1991: 47).

Домашнее обучение было нормой, как известно, не только в состоятельных помещичьих семьях. Часто за неимением денег или иной возможности сами родители обучали детей. Так, помещик Кубрин из рассказа «Люди провинции», сравнивая занятия своих девяти детей в учебных заведениях Петербурга, Москвы, Харькова, Киева, делает вывод о полезности и даже обязательности именно такого типа обучения. Репетитор, которого он нанял для старшего сына – Кости, «... заставлял долбить, ничего не объяснял, кричал на него..., так бедный мальчик и погиб...» (Абрамова, 1885: 645). После этого случая Кубрин «поналег на себя» и решил самостоятельно «выводить детей на дорогу», что, по его мнению, давало весомые результаты, один из детей уже обучался в университете. Вполне закономерно, что отношения с сыновьями у Кубрина складывались по-разному: о старшем сыне, Косте, которого постоянно «просили» со службы, отец и мать переживали: «Я лучше убью моего сына, чем он будет шалопаем!» (Абрамова, 1885: 649). Другими детьми, которые как раз были «подготовлены» им самим, отец гордился: Мишей, который «вечно приедут и начнут выдумывать что-нибудь. Навезут книг разных, наберутся мыслей... и меня пичкают ими» (Абрамова, 1885: 651), Колей, который рисовал: «копии зверей были очень хороши для восьмилетнего мальчика», Олей, которая пела голосом «серебряного колокольчика» (Абрамова, 1885: 654). Как верно отметила М. Могильнер, реформы второй половины XIX века среди российского общества сформировали иллюзорные представления о том, что в новых условиях будут необходимы новые знания о законах общественно-политического и экономического развития (Могильнер, 2008: 15-16).

Воспоминания другого выдающегося представителя российского помещичьего дворянства – А.А. Корнилова – позволяют выявить, каковы результаты влияния быта и семейного воспитания на общественную деятельность российского передового дворянства. А.А. Корнилов, потомственный дворянин, предки которого владели землями в Тверской губернии, согласно писцовым книгам, с 7106 (1598) года, отмечал, что «лишь в XIX веке род дворян Корниловых стал давать более известных представителей на поприще военной и административной службы» (Корнилов, 1994: 147). Сам же А.А. Корнилов, пребывая на службе комиссара по крестьянским делам в Конском уезде Радомской губернии с апреля 1887 года, поставил себе задачу служить честно и исполнять свои обязанности так, как он их понимал. С самого начала, попав в уезд, характеризовавшийся сложной социальной структурой и отношениями между крестьянами и помещиками, он решил поднять авторитет занимаемой должности и по справедливости решать возникающие проблемы по службе.

Останавливаясь в своих воспоминаниях преимущественно на годах службы, А.А. Корнилов тем не менее описывает несколько моментов из личной жизни, которые могут служить наглядной иллюстрацией мировоззрения и жизненных принципов. В частности, он достаточно подробно описывает процесс усыновления незаконнорожденного ребенка молодой девушки, бывшей у него в услужении в Конске. Молодая мать отказывалась от ребенка. Для А. Корнилова это была драматичная ситуация, поскольку усыновление грозило общественным осуждением. Поддержка «трех близких женщин», которые готовы были заменить ребенку мать, – «... моя мать, сестра моя Таня и Н.Е. Вернадская» – помогли А. Корнилову в принятии решения об усыновлении.

Отметим еще одну черту мировоззрения А.А. Корнилова: убеждение, что равенство является одним из важнейших принципов взаимоотношений между людьми. Как он отмечал в своих воспоминаниях, будучи комиссаром, «ради достижения справедливости» он взял за правило не пользоваться гостеприимством той или иной стороны в разъездах по вопросам решения спорных вопросов. Помещики этого не понимали. Лишь спустя некоторое время «... наиболее развитые и беспристрастные из них... поняли, наконец, что видят перед собой отнюдь не русификатора и не ненавистника поляков» (Корнилов, 1994: 151).

Прослужив семь лет, с 1894 по 1900 годы, в Иркутске, сначала в качестве чиновника особых поручений, а затем на посту гласного городской думы, А.А. Корнилов активно участвовал в общественной жизни города. Он занимался вопросами устройства электрического освещения, являлся членом нескольких попечительских советов. Когда пришла пора уезжать, ему было трудно расстаться с «пущенными корнями», поскольку он «чувствовал, что принес пользу Сибири, насколько вообще мы можем принести ее» (Корнилов, 1994: 144).

А.А. Корнилов являлся активным участником земского движения. Когда в России наступил «грозный голодный год», он подал в отставку и отправился в Тамбовскую губернию, где принял деятельное участие в организации помощи голодающим крестьянам, позже стал вести активную общественную деятельность в Воронежской губернии. Наряду с этим, А. Корнилов с соратниками развили достаточно широкую санитарно-медицинскую помощь. А.А. Корнилов в воспоминаниях описывает знакомство со многими передовыми людьми своего времени. В Сибири, например, он встречал «бабушку русской революции» Брешко-Брешковскую: «Екатерина Константиновна попросила пользоваться моей библиотекой...» (Корнилов, 1994: 129-130). Своим знакомством с Н.Ф. Анненским и В.Г. Короленко Корнилов дорожил ввиду общности политических взглядов так же, как и с М.И. Туган-Барановским и П.Б. Струве. Эта общность заключалась в осознании недопустимости жестокой распри между народниками и марксистами, поскольку и у тех, и у других был единый враг – бюрократическое самодержавие (Корнилов, 1994: 135). С В.Г. Короленко знакомство началось заочно: А. Корнилов переслал ему как одному из видных деятелей по борьбе с голодом свою книгу «Семь месяцев среди голодающих крестьян», на что В. Короленко прислал свою книгу «Голодный год». Обмен книгами стал залогом тесных товарищеских взаимоотношений. Знакомство со Л.Н. Толстым произошло на большом общественном собрании. В квартире И.И. Петрункевича, где обсуждались злободневные вопросы второго подряд «голодного года», присутствовали Д.И. и А.Н. Шаховские, В.С. Соловьев, В.А. Гольцев, П.Н. Милуков (с которым А. Корнилов также познакомился в этот вечер впервые). Л.Н. Толстой горячо поддержал идею А. Корнилова о переносе деятельности по борьбе с голодом из Воронежской губернии в Тульскую. Несмотря на существенное расхождение во взглядах на земское движение в целом, Л. Толстой пригласил А. Корнилова к себе, чтобы дать последнему письменную рекомендацию к своим сыновьям, которые уже «вели подобную деятельность на месте» (Корнилов, 1994: 158).

В.В. Розанов представляет собой несколько иной тип российского дворянина: равноудаленный от политического поприща, экономических обязательств, обладающий устоявшимися взглядами. В анкете для библиографического словаря В.В. Розанов писал, что, потеряв рано отца и мать, он остался на попечении старших братьев и сестер (всего в семье было семеро детей). Его воспитанием занимался преимущественно старший брат Николай, который к моменту смерти матери окончил Казанский университет, был учителем, а затем – директором гимназии. В. Розанов пишет, что супруга брата заменила ему мать, а сам Николай стал вторым отцом. Тем не менее с братом у них постоянно происходили ссоры на почве разных политических взглядов. В. Розанов постоянно доказывал, что «... и Боклю с Дрэпером могут ошибаться» (Розанов, 1991: 249). Горячие споры порой заканчивались для В. Розанова «воспитательными мерами», например, временным отлучением от общего стола (Розанов, 1991: 249). Поступив в университет, В. Розанов «учился тоже «так себе», служба учителем тоже ему не нравилась: «что-то течет вокруг меня: и все мешает думать» (Розанов, 1991: 251). Но это равнодушие определялось глубокой религиозностью, также пробудившейся в Розанове в студенческие годы: «я как бы «заснул со своим Богом» и сплю непробудно счастливым сном» (Розанов, 1991: 251).

5. Заключение

К началу XX века первенствующее сословие размывалось на множество социальных слоев: фабриканты, помещики, чиновники, юристы, преподаватели, писатели, политические деятели и т.д.

С.Е. Трубецкой, А.А. Корнилов, В.В. Розанов, имевшие разный статус, но принадлежавшие к первенствующему сословию, внесшие весомый вклад в общественно-политическое и идейное развитие страны, являлись представителями разных типов российского пореформенного поместного дворянства. На примере их воспоминаний и автобиографических описаний мы можем типологизировать взгляды российского дворянства, учитывая семейные, бытовые, личностно-поведенческие условия становления характерных черт их мировоззренческой позиции.

Например, А.А. Корнилов представлял собой тип так называемого «нового поместного дворянства». Действительно, голод в России конце XIX века отправил в деревню «тысячи молодых людей» – студентов и курсисток, чиновников и поместных дворян, воодушевленных стремлением помочь народу в данной беде, объединиться с ним (Корнилов, 1994: 158). Этот процесс оставил значительный след в дальнейшей политической и общественной деятельности, в мировоззрении целого поколения русских дворян. Борьба с голодом способствовала сплочению и объединению разрозненных общественных сил, но одновременно и усилению раскола между ними. Одним из важнейших вопросов самоидентификации российского помещичьего дворянства стало представление о собственной роли в будущем России. Мировоззрение указанного типа дворянства на примере А.А. Корнилова определялось такими чертами, как ответственность, польза, равенство и долг.

Второй тип – так называемые «баре-киты, на которых вся земля держится», о которых неоднократно упоминалось и в статьях ведущих изданий того времени (Матвеев, 1916: 123-124). О них очень емко пишет в своих воспоминаниях А.А. Корнилов, когда отмечает, что в помощи голодающим были солидарны практически все помещики объезженных им губерний, за исключением «породы местных зубров» (Корнилов, 1994: 153). К такого рода помещикам, к которым заезжал «сам генерал-губернатор», относился князь А.А. Щербатов, описанный в воспоминаниях «Минувшее» С.Е. Трубецкого, по сути, и сам С.Е. Трубецкой, воспитанный в той же среде. Отношение к России среди «зубров» было различным: от негатива к власти по причине «мужицкой свободы» до уверенности в необходимости дальнейших мер по сохранению крестьянской независимости и дальнейших аграрных реформ. С.Е. Трубецкой отразил дух России конца XIX века – глубоко монархичной, но одновременно подверженной новым идеям и течениям. На становление внутреннего мира С.Е. Трубецкого оказала важнейшее влияние семья – уклад жизни, воспитание и образование, полученные в детстве и юности. Уже будучи взрослым человеком, прошедшим ряд испытаний, он писал о любви к Отечеству как памяти о предках: «Россия – наша Родина и наше Отечество – страна, где мы родились, страна, созданная нашими предками. Всем этим мы с рождения дышали, как воздухом, – воздухом, который даже не замечаешь, но без которого жить невозможно» (Трубецкой, 1991: 44).

Третий тип – помещики, которые, по сути, в наибольшей степени стали близки после реформы 1861 года предприимчивому мужику, поскольку являли с ним один характер – делового человека, умевшего вести хозяйство и получать от него выгоду. Главное кредо этого типа помещиков – «нужно родиться хозяином», «не надо зарываться» (Абрамова, 1885: 652). Образование для них стало важнейшим фактором успешного будущего их хозяйств, следовательно, должно было носить конкретный, практический характер.

О различиях в мировоззрении этих типов помещиков, как известно, прекрасно писал в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехов. Однако даже третий – предпринимательский тип помещиков – в условиях конца XIX – начала XX веков, подчиняясь необходимости изменений, происходивших со страной в этот период, имел «задушевное желание»: «если б было кому сдать на руки хозяйство, я бы так и жил все в саду» (Абрамова, 1885: 653). И вот этот четвертый тип русского дворянства олицетворяет В.В. Розанов, отгородившись от новых экономических реалий, увидевший в мистике и религиозности народа особый путь России.

Итак, процесс становления и развития мировоззрения поместного российского дворянства в конце XIX – начале XX веков, в частности его видение будущего России и собственной роли в нем, определялось семейными традициями, бытом и укладом семейной жизни, существовавшим окружением, в которых проходили детство и юность наших героев. Политическое и экономическое развитие страны каждый из них воспринимал, также основываясь на приобретенном ранее социальном и личностном опыте.

Литература

- Абрамова, 1885 – Абрамова В. Люди провинции // *Вестник Европы*. 1885. Август. С. 626-657.
- Атнашев и др., 2018 – Атнашев Т., Велижев М., Зорин А. «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.
- Барина, 2014 – Барина Е.П. Дворянство России второй половины XIX – начала XX века: современная историография // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 548-557.
- Зорин, 2010 – Зорин А. Импорт чувств: к истории эмоциональной европеизации русского дворянства // *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 512 с. С. 117-131.
- Каященко, 2019 – Каященко А.А. Клевета и оскорбление в отражении представлений о чести и

- достоинстве российского дворянства конца XVIII – начала XX вв. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История, политология»*. 2019. № 3. Т. 46. С. 499-506.
- Корнилов, 1994 – Корнилов А.А. Воспоминания // *Вопросы истории*. 1994. № 2. С. 143-159.
- Ларионова, 2015 – Ларионова М.Б. Повседневная жизнь провинциального имения: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых // *QUESTIO ROSSICA*. 2015. № 1. С. 255-274.
- Леви, 1996 – Леви Дж. К вопросу о микроистории // *Современные методы преподавания новейшей истории*. М.: Наука, 1996. С.167-190.
- Лосев, 1995 – Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
- Матвеев, 1916 – Матвеев С. Из жизни современного крестьянского мира // *Русское богатство*. 1916. Сентябрь. С. 116-142.
- Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история России: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 547 с.; Т. 2. 582 с.
- Миронов, 2014–2015 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х т. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин. 2014–2015. Т. 1. 2014. 892 с.; Т. 2. 2014. 907 с.; Т. 3. 2015. 989 с.
- Могильнер, 2008 – Могильнер М. Homo imperii: История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX вв.) М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Рикер, 1995 – Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). М., 1995. 160 с.
- Розанов, 1991 – Розанов В.В. Материалы к биографии. Анкета для Библиографического словаря деятелей Нижегородского Поволжья // *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* Вып. 1. М.: Студия «ТРИТЭ», «Российский архив», 1991. 463 с. С. 249-261.
- Санитарные условия..., 1902 – Санитарные условия в связи с экономическим в Московской губернии // *Русская мысль*. 1902. Август. С. 64-86.
- Трубецкой, 1991 – Трубецкой С.Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991. 382 с.
- Уайт, 2002 – Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- Чичерин, 1929 – Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1929. 293 с.
- Чубарьян, Репина, 2016 – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
- Bratolyubova et al., 2019 – Bratolyubova M.V., Bryzgalova I.G., Ponomareva M.A. (2019). Leisure of Rostov-on-Don Citizens in the late XIX – early XX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1726-1736.

References

- Abramova, 1885 – Abramova, V. (1885). Lyudi provintsii [People of the province]. *Vestnik Evropy*. August. Pp. 626-657. [in Russian]
- Atnashev et al., 2018 – Atnashev, T., Velizhev, M., Zorin, A. (2018). «Osobyi put'»: ot ideologii k metodu [«A special way»: from ideology to method.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 488 p. [in Russian]
- Barinova, 2014 – Barinova, E.P. (2014). Dvoryanstvo Rossii vtoroi poloviny XIX-nachala XX veka: sovremennaya istoriografiya [The Nobility of Russia in the second half of the XIX-early XX century: modern historiography]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 16(3-2): 548-557. [in Russian]
- Bratolyubova et al., 2019 – Bratolyubova, M.V., Bryzgalova, I.G., Ponomareva, M.A. (2019). Leisure of Rostov-on-Don Citizens in the late XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 54(4): 1726-1736.
- Chicherin, 1929 – Chicherin, B.N. (1929). Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov [Memories. Moscow of the forties years]. Moscow: izd-vo M. i S. Sabashnikovykh. 293 p. [in Russian]
- Chubar'yan, Repina, 2016 – Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar' [Theory and methodology of Historical Science. Dictionary of terms]. Ed. by. A.O. Chubar'yan, L.P. Repina. (2016). Moscow: Akvilon. 543 p. [in Russian]
- Kayashchenko, 2019 – Kayashchenko, A.A. (2019). Kleveta i oskorblenie v otrazhenii predstavlenii o chesti i dostoinstve rossiiskogo dvoryanstva kontsa XVIII – nachala XX vv. [Slander and insult in reflecting the ideas of honor and dignity of the Russian nobility of the late XVIII-early XX centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya*. 3(46): 499-506. [in Russian]
- Kornilov, 1994 – Kornilov, A.A. (1994). Vospominaniya [Memories]. *Voprosy istorii*. 2: 143-159. [in Russian]
- Larionova, 2015 – Larionova, M.B. (2015). Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo imeniya: dnevnik slugi ural'skikh pomeshchikov Golubtsovykh [Everyday life of a provincial estate: diary of a servant of the Ural landowners Golubtsov]. *QUESTIO ROSSICA*. 1: 255-274. [in Russian]
- Levi, 1996 – Levi, Dzh. (1996). K voprosu o mikroistorii. Sovremennyye metody prepodavaniya noveishei istorii [To the question about microhistory]. Moscow: Nauka. Pp. 167-190. [in Russian]

- Losev, 1995 – Losev, A.F. (1995). Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The problem of symbol and realistic art]. Moscow: Iskusstvo. 320 p. [in Russian]
- Matveev, 1916 – Matveev, S. (1916). Iz zhizni sovremennogo krest'yanskogo mira [From the life of the modern peasant world]. *Russkoe bogatstvo*. Sentyabr'. Pp. 116-142. [in Russian]
- Mironov, 2003 – Mironov, B.N. (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii: Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia: The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law]. V 2-kh tt. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 547 p.; Vol. 2. 582 p. [in Russian]
- Mironov, 2014–2015 – Mironov, B.N. (2014–2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [The Russian Empire: from Tradition to Modernity]. V 3-kh tt. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 892 p.; Vol. 2. 907 p.; Vol. 3. 989 p. [in Russian]
- Mogil'ner, 2008 – Mogil'ner, M. (2008). Homo imperii: Istoriya fizicheskoi antropologii v Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Homo imperii: The History of Physical Anthropology in Russia (late XIX – early XX centuries)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p. [in Russian]
- Riker, 1995 – Riker, P. (1995). Germenevtika. Etika. Politika. (Moskovskie leksii i interv'yu) [Hermeneutics. Ethics. Politics. (Moscow lectures and Interviews)]. Moscow. 160 p.
- RozaNov, 1991 – RozaNov, V.V. (1991). Materialy k biografii. Anketa dlya Bibliograficheskogo slovarya deyatelei Nizhegorodskogo Povolzh'ya [Materials for a biography. Questionnaire for the Bibliographic dictionary of figures of the Nizhny Novgorod Volga region]. *Rossiiskii arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Vol. 1. Moscow: Studiya «TRITE», «Rossiiskii arkhiv». 463 p. Pp. 249-261. [in Russian]
- Sanitarnye usloviya..., 1902 – Sanitarnye usloviya v svyazi s ekonomicheskimi v Moskovskoi gubernii (1902) [Sanitary conditions in connection with economic conditions in the Russian Province]. *Russkaya mysl'*. avgust. Pp. 64-86. [in Russian]
- Trubetskoi, 1991 – Trubetskoi, S.E. (1991). Minuvshee [Old time]. Moscow: DEM. 382 p. [in Russian]
- Uait, 2002 – Uait, Kh. (2002). Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka [Metahistory: The Historical Imagination in nineteenth-century Europe]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 528 p. [in Russian]
- Zorin, 2010 – Zorin, A. (2010). Import chuvstv: k istorii emotsional'noi evropeizatsii russkogo dvoryanstva [Import of feelings: to the history of emotional Europeanization of the Russian nobility]. *Rossiiskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii* [The Russian Empire of Feelings: approaches to the cultural history of emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p. Pp. 117-131. [in Russian]

Семейный уклад и его роль в становлении мировоззрения российского помещного дворянства в конце XIX – начале XX веков (на примере воспоминаний С.Е. Трубецкого, А.А. Корнилова, В.В. Розанова)

Мария Александровна Пономарева^{а,*}

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена роли семейной жизни, традиций и других внешних влияний на формирование мировоззрения русского помещного дворянства в конце XIX – начале XX веков. Новизна исследования видится в том, что на основе комплекса методологических подходов проводится типологизация мировоззрения местного дворянства в новых социально-экономических и политических условиях. Основное внимание уделено мемуарам С.Ю. Трубецкого, А.А. Корнилова, а также автобиографическим заметкам В.В. Розанова, публикациям в либеральной периодической печати. Ставится вопрос о самоидентификации русского помещного дворянства. Проведен обзор современной историографии по данной проблеме. Определены основные методологические подходы и методы: микроисторический подход, нарративное моделирование. Анализ источников проводился с использованием сравнительно-исторического, историко-типологического и историко-биографического методов исследования. Выявлено несколько мировоззренческих типов русского помещного дворянства XIX–XX веков, даны их отличительные характеристики: «новое помещное дворянство» (А.А. Корнилов); «местные зубры» (С.Е. Трубецкой, А.А. Щербатов); «предприимчивый тип» (Кубрин); «философский тип» (В.В. Розанов). Предлагаемая классификация определяется семейными традициями, а также особенностями политического и экономического развития страны в конце XIX – начале XX веков.

Ключевые слова: пореформенная Россия, помещики, помещное дворянство, С.Е. Трубецкой, А.А. Корнилов, В.В. Розанов, мировоззрение русского дворянства, Россия конца XIX – начала XX веков, социокультурный раскол помещичьего дворянства, история повседневности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ponomariya@sfedu.ru (М.А. Пономарева)